

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ БЕСПРЕДЕЛ – 2

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
К ЮБИЛЕЮ
А. И. КУЗНЕЦОВОЙ

Издательство Московского университета

*Под общей редакцией чл. корр. РАН, проф. А. Е. Кибрика
Составители: Т. Б. Агранат, О. А. Казакевич, Е. В. Кашкин*

Рецензенты:

д.ф.н. проф. *Д. М. Насилов*,
д.ф.н. доц. *А. В. Архипов*

Л59 **Лингвистический беспредел – 2:** Сборник научных трудов к юбилею А. И. Кузнецовой / Под общей редакцией чл.-корр. РАН, проф. А. Е. Кибрика. – М.: Издательство Московского университета, 2013. – 435 с.

ISBN 978-5-19-010876-7

Сборник статей посвящается 80-летию д.ф.н., проф. Ариадны Ивановны Кузнецовой. Тематика вошедших в сборник статей коллег и учеников юбиляра отражает круг ее интересов. Большая часть касается проблем уралистики, освещаются также вопросы общего и русского языкознания.

Сборник представляет интерес для финно-угроведов, русистов и специалистов в различных областях лингвистики.

УДК 811
ББК 81.2

© Коллектив авторов, 2013
© Филологический факультет МГУ
имени М.В.Ломоносова, 2013

ISBN 978-5-19-010876-7

От авторов и составителей

Десять лет промчались с момента выхода «Лингвистического беспредела», сборника к 70-летию Ариадны Ивановны Кузнецовой. Что изменилось? Уменьшилось количество статей по русистике настолько, что они теперь не могут составить специальный раздел. Увеличилось количество статей по уралистике, и в настоящем сборнике мы решили разделить «Самоедологию» и «Финно-угристику». Заметно больше авторов обратилось к проблемам самодийских языков, что представляется естественным, поскольку вклад юбиляра именно в эту область трудно переоценить. Появилась работа по смежной дисциплине – физической антропологии. Выделился раздел «Площадка молодняка», в который вошли статьи младшего поколения учеников Ариадны Ивановны, студентов ОТиПЛа; и эти работы выполнены на материале финно-угорских языков.

Но главное осталось неизменным. Сборник по-прежнему отражает тематическое разнообразие вошедших в него статей, что, в свою очередь, является следствием широты интересов юбиляра. Авторы по-прежнему объединяет глубочайшее уважение и искренняя любовь к Ариадне Ивановне. Неизменными остались все прекрасные качества юбиляра, неизменным осталось все, о чем мы писали в предисловии десять лет назад.

Желаем Ариадне Ивановне новых творческих успехов!

можно сделать, по крайней мере, косвенный вывод, о том что такие конструкции, если и не исчезли совсем из языка, то не являются частотными и общеупотребительными.

Таким образом, очевидно, что сохранность исконного полипредикативного синтаксиса зависит от социолингвистического статуса языка. Объясняется это тем, что синтаксический уровень очень сильно подвергается изменениям под влиянием контактирующих языков, и консервирующим его механизмом является нормирование.

Литература

- Агранат Т. Б. 2000. О залоговых противопоставлениях в прибалтийско-финских языках // Материалы международной научно-методической конференции преподавателей и аспирантов, посвященной 75-летию кафедры Финно-угорской филологии С-ПбГУ, С-Пб.
- Агранат Т. Б. 2002. О дистрибуции двух отглагольных форм в водском языке // Лингвистический беспредел. Сборник научных статей к 70-летию проф. А. И. Кузнецовой, М.
- Агранат Т. Б. 2005. Перевод Евангелия на водский язык // Материалы XXXIV международной филологической конференции, С-ПбГУ.
- Агранат Т. Б. 2009. Дискурсивные маркеры в водском языке // Вопросы языкознания, № 6.
- Дубровина З. М. 1972. Инфинитивы в финском языке, Л.
- Дубровина З. М. 1977. Инфинитивы и причастия как дополнительное ядро предикации в финском предложении. (К вопросу об эквивалентах предложения) // Вопросы финно-угорской филологии, Вып. 3. М.
- Иванова Г. П. 2007. Аналитические полипредикативные конструкции со значением времени в вепсском языке // Языки коренных народов Сибири. Вып. 19. Развитие аналитических структур в условиях языковых контактов. Новосибирск, С. 163–178.
- Иванова Г. П. 2008. Средства выражения причинно-следственных отношений в вепсском языке // Гуманитарные науки в Сибири, №4, 2008, С.71–76.
- Кибрик А. Е. 1992. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания, М., 1992.
- Федотова В. П. 1990. Очерк синтаксиса карельского языка, Петрозаводск.
- Хакулинен Л. 1955. Развитие и структура финского языка, ч. 2, М.
- Ahlquist A. 1856. Wotisk grammatik jemte språkprof och ordförteckning // Acta Societatis Scientiarum Fennicae. VI. Helsingforsiae, Helsingfors.
- Ariste P. 1968. A Grammar of the Votic Language, (Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. Vol. 68.) Bloomington– The Hague.
- Ariste P. 1986. Vajja rahvalaulud ja nende keel, Tallinn.
- Erelt M. (ed.) 2003. Estonian Language. Linguistica Uralica, supplementary series/ volume 1. Tallinn.
- Mustonen O. A. F. 1883. Muistoonpanoja Vatjan kielestä // Virittäjä.

Ф. И. Рожанский (Москва, Тарту),
Е. Б. Маркус (Москва, Тарту)

О статусе нижнелужского диалекта ижорского языка среди родственных идиомов¹

Традиционно в ижорском языке выделяли четыре диалекта – ордежский, хэваский, сойкинский и нижнелужский (см., например, [Лаанест 1993: 62–63]), из которых два последних сохранились до нашего времени. В этой системе нижнелужский диалект занимает особое положение, поскольку он заметно отличается от трех остальных диалектов. Проведенный в [Рожанский 2010] анализ показал, что почти не существует черт, общих для сойкинского и нижнелужского ижорского и при этом отсутствующих в соседствующих идиомах (водском и ингерманландском финском).

Причиной такой ситуации является длительное и активное взаимодействие ижорского языка с родственными языками в нижнелужском регионе ([Лаанест 1966: 149–161], [Лаанест 1977], [Ariste 1977], [Naarmann 1984: 215–239]). Так, в работе [Лаанест 1994: 31] отмечается: «В нижнелужском диалекте есть и такие явления, которые выпадают только с водским языком или только с соседними финскими говорами. При этом водское влияние все же глубже финского. Можно предполагать водский субстрат в нижнелужском диалекте ижорского языка. Но в ряде случаев вернее говорить о конвергентном развитии указанного ижорского диалекта и местных водских и финских говоров». В [Лаанест 1966: 149–152] приводится набор признаков, различающих рассматриваемые идиомы, и демонстрируется влияние водского и ингерманландского финского на ижорские диалекты, прежде всего, на нижнелужский ижорский. Однако более детальный анализ взаимодействия ижорского и водского языков и, прежде всего, особенностей формирования нижнелужского диалекта ижорского не проводился.

В данной работе будет рассмотрен ряд фактов, которые позволяют дополнить картину взаимодействия нижнелужского диалекта ижорского языка с водским языком и сформулировать гипотезу о формировании и статусе этого ижорского диалекта.

1. Языковой сдвиг у водского населения нижнелужского ареала

В конце XVIII века были опубликованы первые этнографические заметки о водях, написанные Ф. Л. Трефуртом [Trefurt 1783], [Trefurt 1785]. В этих заметках, в частности, приводился список водских деревень, расположенных на реке Луге: Извоз, Манновка, Кейкино, Орлы, Федоровка ([Trefurt 1785: 115]: Isvos, Mannovka, Keikina, Orell, Födovska). В настоящее время в этих деревнях проживает ижора, а

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект 11-04-00172а.

не водь². Конечно, можно было бы предположить, что автор заметок не разобрался в различиях родственных народов и назвал ижору водью. Однако такая гипотеза опровергается одним простым фактом: несколькими страницами ранее Ф. Л. Трефурт обсуждает специфическую характеристику водского языка – использование *ǵ* на месте финского *k* (то есть палатализацию перед гласными переднего ряда). Зная этот факт, невозможно перепутать два рассматриваемых языка.

Никаких случаев «насильственного уничтожения» води ижорой неизвестно, поэтому единственным объяснением изменения языка у жителей деревень нижней Луги становится языковой сдвиг, в процессе которого водь переходила на ижорский.

Сейчас уже сложно определить, когда начался этот сдвиг, но не вызывает никакого сомнения, что он продолжался до последнего времени. Например, в деревне Межники, которая еще недавно считалась водской, последнее поколение носителей языка говорит только по-ижорски. В Межниках, в частности, жила Оудекки Фигурова (1891–1978), одна из наиболее знаменитых водских рассказчиц (см. [Ariste 1978]). Ее дочь 1925 года рождения, живущая в той же деревне, является носителем ижорского языка [Муслимов 2005].

Причиной такого сдвига (вероятно не единственной, но, несомненно, очень значимой) стала асимметрия в выборе языка общения между водью и ижорой. Уже в 1925 году водский лингвист Д. Цветков отмечал, что когда водский мужчина приводит в свою семью ижорскую невесту, то вся семья, включая старшее поколение, переключается с водского на ижорский язык [Tsvetkov 1925: 43]³.

Те из наших информантов, у которых один из родителей был водью, а другой ижорой, в качестве основного языка почти всегда использовали ижорский (даже если они и обладали некоторым знанием водского).

Также обратим внимание, что большинство носителей водского языка, с которыми нам приходилось работать, имели большие или меньшие познания в ижорском языке (например, они часто идентифицировали некоторое слово как ижорское, а не водское). Однако ижоры практически никогда не владели специфической водской лексикой.

Этот факт отмечался и самими носителями языка: «Ижоры плохо выговаривали вадьевский язык. Нечисто. Вадья по-ижорски говорили абсолютно одинаково [то есть, как ижора – Ф. Р. Е. М.]. Разницы никакой не было. По языку никто не мог определить, что он ижор или вадья. Хорошо говорили. А вот почему не могли чисто говорить по вадья ижоры – не знаю» (мужчина, водь, д. Лужицы, 1921 г. р.)⁴.

² Здесь имеются в виду остатки прибалтийско-финского населения; русское население, которое в настоящее время представляет этническое большинство, мы не рассматриваем.

³ Подчеркнем, что водские мужчины часто женились на ижорках, то есть описываемая ситуация касается отнюдь не единичных случаев.

⁴ Похожее высказывание приводится в [Муслимов 2005]: «Ижорка не могла говорить по-водски, приходилось говорить по-ижорски» (женщина из смешан-

Обратим внимание, что простых объяснений для описываемой асимметрии не существует. Водский язык не имеет каких-либо фонетических или грамматических черт, которые очевидным образом затрудняли бы его изучение.

Другим серьезным аргументом, подтверждающим процесс языкового сдвига у води, является идиом деревни Куровицы, расположенной на восточном берегу реки Луги. Специфический язык этой деревни традиционно считался водским диалектом (см., например, [Адлер 1966]) и включался в сборники водской речи ([Kettunen and Posti 1932], [Mägiste 1931], [Mägiste 1959], [Ariste 1962], [Ariste 1982], [Ariste 1986]). Анализируя этот идиом, С. Сухонен пришел к выводу, что он содержит в себе примерно равное количество водских и ижорских черт [Suhonen 1985]. В нашей работе [Маркус, Рожанский 2007] было проведено исследование, которое позволило сделать вывод, что в куровицком идиоме наблюдается не произвольная смесь водского с ижорским, но наложение ижорской лексики (и, соответственно, фонетики) на субстратную водскую грамматику. Понятно, что такой идиом мог возникнуть именно в ситуации неполного перехода води на ижорский язык.

Языковой сдвиг у води сопровождался и изменением идентичности. Д. Цветков писал, что после революции 1917 г. водь в советских анкетах указывала «ижор» как свою этническую принадлежность, и «русский» как свою национальность [Tsvetkov 1925: 43]. В работе [Золотарев 1927: 141] отмечалось, что разница между ижорой и водью сохраняется только в их языке (ср. также [Heinsoo 1991: 449], [Хейнсоо 1995: 177]). Вероятно, именно такое отношение послужило причиной того, что водский язык отсутствовал в результатах переписей с 1926 года и лишь в 2002 году вновь появился в списке языков Российской Федерации.

Многие из наших водских информантов называли свой язык ижорским, а себя – ижорой. На вопрос о води одна из информанток (женщина, водь, д. Лужицы, 1928 г. р.) ответила: «Да, я слышала, что существовали такие *vaddä*, но кто они такие, я не знаю»⁵.

В [Муслимов 2005: 63] отмечается, что определить, когда этноним «ижоры» стал использоваться по отношению к води, не представляется возможным, но подобного рода примеры зафиксированы в записях П. Аристе [Ariste 1982: 66]: *miä en ėvenälaine, miä ėlen nī ižori* ‘Я не русский, я ижор’ (мужчина, водь, д. Лужицы, 1892 г. р.).

В свете описанного языкового сдвига и смены идентичности становятся более понятными изменения в численности населения води и ижоры.

В Таблице 1. представлена численность водской и ижорской популяции и носителей языка с середины XIX века до нашего времени (заметим, что по крайней мере до Второй мировой войны разницу в

ной водско-ижорской семьи, д. Краколье, 1917 г. р.).

⁵ Следует подчеркнуть, что идентичность води стала возрождаться в последнее десятилетие, в частности, в результате проведения ежегодных праздников, организованных Т. В. Ефимовой, в деревне Лужицы.

количестве этнических представителей этих народов и носителей языка можно считать несущественной).

Таблица 1. Динамика численности воды и ижоры⁶

Год	Водь (население)	Водь (носители языка)	Год	Ижора (население)	Ижора (носители языка)
1848 ⁷	5148		1848	18489	
1915 ⁸		1000	1917 ⁹	20000	
1926 ¹⁰	~ 700-800		1926	16137	
1942 ¹¹	~ 400-600		1942	~ 13000	
1980 ¹²		~ 20	1979 ¹³	748	244
1991 ¹⁴	61		1989 ¹⁵	820	302
2011 ¹⁶		менее 10	2011		~ 130

В приведенной таблице обращает на себя внимание следующий факт: если начиная со второй половины XX века наблюдалось постоянное сокращение популяции воды и ижоры с примерно одинаковым соотношением этих народов (воды в 10–20 раз меньше, чем ижоры), то более ранний период с середины XIX века до Второй мировой войны

⁶ Несмотря на то, что в некоторых источниках приводятся точные цифры, следует осознавать, что любые данные о численности воды и ижоры являются приблизительными. В таблицу намеренно не были включены данные переписи 2002 года [Итоги 2007], противоречащие здравому смыслу (в соответствии с этими данными, число владеющих водским языком в десять (!) раз больше, чем число представителей этнической воды).

⁷ [Köppen 1867]. Ижорское население включает 17800 человек, проживающих в Санкт-Петербургской губернии и 689 человек в Карелии.

⁸ [Kettunen 1915].

⁹ [Mustonen 1933], [Nevalainen, Hannes 1991: 410]. Территория, к которой относится данное число, не указана.

¹⁰ По переписи 1926 года, цитируемой в [Мусаев 2004: 178], [Ernits 2007: 15]. Для воды в [Мусаев 2004: 178] приводятся различные данные, варьирующие в диапазоне от 694 до 844 человек. Для ижоры численность населения в 26137 человек, приводимая в [Kurs 1990: 1487], критикуется в работе [Ernits 2007: 15].

¹¹ Данные о численности воды в 1942 году сильно варьируют: около 200 [Ariste 1957], 300–400 [Ariste 1970], менее 500 [Mägiste 1959], 400–500 [Ränk 1960], 667 [Nevalainen, Hannes 1991: 268]. Численность ижорского населения указана по [Nevalainen, Hannes 1991: 268, 410], [Kurs 1990: 1493] и включает в себя 8729 человек на оккупированной территории и приблизительно 4000 человек на территории «Ораниенбаумского котла».

¹² [Ariste 1981].

¹³ Данные переписи 1979 года приводятся по [Ernits 2007: 15], [Мусаев 2004: 348]. Из 748 ижорцев, проживающих в СССР, 315 находятся в Ленинградской области.

¹⁴ [Heinsoo 1991].

¹⁵ Данные переписи 1989 года приводятся по [Ernits 2007: 15], [Мусаев 2004: 348]. Из 820 ижорцев, проживающих в СССР, 276 проживают в Ленинградской области. Небольшое увеличение количества этнических представителей, а также людей, владеющих языком, по сравнению с переписью 1979 года, можно объяснить как ошибками в подсчетах, так и постепенным восстановлением идентичности вследствие изменений в национальной политике государства.

¹⁶ Данные наших полевых исследований.

демонстрирует принципиально отличную тенденцию. Действительно, за этот период количество воды сократилось почти в 10 раз, в то время как количество ижор не претерпело принципиальных изменений. Поскольку оба народа имели достаточно схожую судьбу, такое заметное расхождение в динамике их численности на первый взгляд кажется очень странным. Однако это различие становится объяснимым, если кроме общего для обоих народов процесса русификации допустить также процесс ижоризации воды. Переход воды на ижорский язык и изменение идентичности существенным образом сказывались на численности и так немногочисленного водского населения и при этом в некоторой степени замедляли сокращение ижорского населения.

Вся описанная ситуация на первый взгляд выглядит достаточно просто. Используемый в теории моделирования языковых контактов параметр «неустойчивость» (volatility, см. [Castelló et al. 2008], [Vazquez et al. 2010]), определяющий склонность к языковому сдвигу, для воды имеет большее числовое значение, чем для ижоры. Соответственно в ситуации взаимодействия ижоры и воды, последним свойственно переходить на ижорский язык и терять идентичность. Однако для создания более полной картины взаимодействия следует рассмотреть не только социолингвистические, но и собственно лингвистические данные.

2. Взаимовлияние водского и ижорского языков

Рассмотрим языковые черты, которые водский и ижорский языки взаимодействовали в процессе контактов друг с другом в нижнелужском ареале.

Следует подчеркнуть, что сравнение лексики двух языков в данном случае не дает сколько-нибудь репрезентативного результата. Поскольку водский и ижорский являются близкородственными языками, их базовая лексика практически идентична (единственной различающейся лексемой в стословном списке Сводеша является глагол «говорить»: ижорское *lätä*, водское *pajatta*¹⁷). Что же касается лексики за пределами базовой, то изоглоссы, характеризующие распространение той или иной лексемы, могут с одинаковой вероятностью очерчивать как ареал какого-либо языка, так и группу деревень, в которой представлены говоры различных языков¹⁸. По этой причине мы не используем лексические заимствования для оценки степени влияния одного языка на другой.

Однако совсем другая ситуация складывается при анализе фонетики и грамматики исследуемых языков. Ниже перечисляются те языковые черты, заимствованные ижорским языком из водского и наоборот,

¹⁷ Следует отметить, что это различие используется финно-угорским населением Ингерманландии для идентификации своей национальной и языковой принадлежности: «В нашей деревне мы *pajatemm*, а в той деревне они *läidä*» (что означает «наша деревня водская, а их – ижорская»). Этот вопрос детально исследован в [Муслимов 2005].

¹⁸ Подробный список изоглосс, иллюстрирующий распространение конкретных лексем на территории Ингерманландии приводится в [Муслимов 2005].

которые можно отнести к разряду системных (то есть затрагивающих основы языковой структуры). Направление заимствования определяется путем сопоставления языковых черт в четырех идиомах: нижнелужском водском, нижнелужском ижорском, сойкинском ижорском (который не демонстрирует очевидных следов водского влияния [Лаанест 1966: 151]) и центральных говорах водского языка (которые не имели прямых контактов с ижорским). Данные по первым трем из перечисленных идиомов были получены в процессе полевой работы авторов. Центральные говоры водского языка к настоящему моменту вымерли, поэтому информация по этим говорам получена из опубликованных материалов (прежде всего, [Ariste 1968], [Adler et al. 1990–2011]).

Мы исходим из допущения, что если некоторая черта наблюдается в обоих водских идиомах и в нижнелужском ижорском, однако отсутствует в сойкинском ижорском, то она была заимствована из водского в нижнелужский ижорский. И наоборот, если некоторая черта наблюдается в обоих ижорских диалектах и в нижнелужском водском, однако отсутствует в центральноводских говорах, она была заимствована из ижорского в нижнелужский водский.

2.1. Система консонантных оппозиций

В *центральноводских* говорах система взрывных согласных фонем строилась на противопоставлении двух фонетических признаков: «глухой» vs. «звонкий» и «одиночный» vs. «геминированный»: /t/ – /t̃t/ – /tt/, /k/ – /k̃k/ – /kk/, /p/ – /p̃p/ – /pp/ [Ariste 1968: 7, 10].

В *нижнелужском водском* представлена такая же система консонантных оппозиций, расширенная за счет недавно появившихся звонких геминат¹⁹:

sika ‘свинья:НОМ’ – *sigā* ‘свинья:ГЕН’ – *sikka* ‘свинья:ПАРТ’
griba ‘гриб:НОМ’ – *gribba* ‘гриб:ПАРТ’

Идентичная система наблюдается в современном *нижнелужском ижорском*:

sata ‘сто:НОМ’ – *satta* ‘сто:ПАРТ’
sada ‘сад:НОМ’ – *sadda* ‘сад:ПАРТ’

В *сойкинском ижорском* система консонантных оппозиций устроена гораздо менее тривиальным образом. Признак «глухость/звонкость» не играет роли в фонологических противопоставлениях²⁰, зато наблюдается типологически редкая система тройной оппозиции по долготе:

¹⁹ Здесь и ниже примеры приводятся в фонологической транскрипции. Краткие геминаты обозначаются знаком ̃ над первой частью геминаты. Примеры на нижнелужский водский приводятся из песочко-лужицкого (2, 7, 8, 24) и кракельского (21) говоров. Примеры 1, 15, 16 идентичны в обоих водских говорах.
²⁰ Одиночные взрывные могут произноситься как глухие, полувзрывные или звонкие, однако этот контраст не является фонологическим.

одиночный согласный vs. краткая гемината vs. долгая гемината: /t/ – /t̃t/ – /tt/, /k/ – /k̃k/ – /kk/, /p/ – /p̃p/ – /pp/ (см. [Markus 2010]):

tapa ‘убивать:ИМП.2СГ’ – *tappā* ‘быть достаточным:ИМП.2СГ’ – *tappā* ‘убивать:ПРС.3СГ’

2.2. Комитатив

В *центральноводских* говорах для выражения семантических ролей спутника и инструмента использовался комитатив [Ariste 1968: 33–34].

В *нижнелужском водском* комитатив используется в тех же функциях:

(1) *tämä tul-i koirā-ka*
 3СГ приходить-ИМПФ:3СГ собака:ГЕН-КОМ
 ‘Он пришел с собакой’.

(2) *hī saha-ta tātā irt-tā saha-ka*
 3ПЛ пилить-ПРС.3ПЛ ЭТОТ:ПАРТ жердь-ПАРТ пила:ГЕН-КОМ
 ‘Они пелят это бревно пилой’.

Аналогичным образом используется комитатив в *нижнелужском ижорском*:

(3) *hān tul-i koirā-n-ka*
 3СГ приходить-ИМПФ:3СГ собака-ГЕН-КОМ
 ‘Он пришел с собакой’.

(4) *hō saha-ta sitā palkki-a saha-n-ka*
 3ПЛ пилить-ПРС.3ПЛ ТОТ:ПАРТ жердь-ПАРТ пила-ГЕН-КОМ
 ‘Они пелят это бревно пилой’.

В *сойкинском ижорском* комитатив как отдельный падеж отсутствует. Роль ‘совместно с’ выражается при помощи послелога *kerā* ‘с’, а роль инструмента выражается адессивом:

(5) *hā tul-i koirā-n kerā*
 3СГ приходить-ИМПФ:3СГ собака-ГЕН с
 ‘Он пришел с собакой’.

(6) *hī saha-jāt tātā hert-tā šaha-l*
 3ПЛ пилить:ПРС-3ПЛ ЭТОТ:ПАРТ жердь-ПАРТ пила-АДЕСС
 ‘Они пелят это бревно пилой’.

2.3. Вытеснение форм 3 лица множественного числа имперсональными формами

В водском языке исходные формы 3 лица множественного числа были вытеснены имперсональными. Таким образом, в современном водском языке одна и та же морфологическая форма используется и в личных, и в безличных конструкциях (о *центральноводском* см. [Ariste 1968: 68]).

Нижнелужский водский:

(7) *nämä valē-ta tātā pehko-a*
 3ПЛ поливать-ПРС.3ПЛ ЭТОТ:ПАРТ куст-ПАРТ
 ‘Они поливают этот куст’.

- (8) *pehko vale-ta õmniko-ssa*
 куст:НОМ поливать-IMPERS.PRS утро-ELAT
 'Куст поливают утром'.

Аналогичное вытеснение произошло у многих носителей *нижнелужского ижорского* (прежде всего, в говорах, расположенных на восточном берегу р. Луги).

Нижнелужский ижорский (кракольский говор):

- (9) *hõ vale-ta iätä pehko-a*
 3PL поливать-PRS.3PL ЭТОТ.PART КУСТ-PART
 'Они поливают этот куст'.

- (10) *pehko vale-ta hõmniko-st*
 куст:НОМ поливать-IMPERS.PRS утро-ELAT
 'Куст поливают утром'.

В *сойкинском ижорском* противопоставление личных и имперсональных форм сохраняется:

- (11) *hũ vallā-t iätä pehko-a*
 3PL поливать:PRS-3PL ЭТОТ:PART КУСТ-PART
 'Они поливают этот куст'.

- (12) *pehko vale-tā hūmukšē-št*
 куст:НОМ поливать-IMPERS.PRS утро-ELAT
 'Куст поливают утром'.

2.4. Коннегативы в отрицательных императивных конструкциях

В водском языке отрицательная форма императива 2 лица множественного числа образуется сочетанием отрицательного глагола в форме императива 2 лица множественного числа и смыслового глагола в той же форме:

Центральноводские говоры:

- (13) *el-kā vē-kā*
 NEG-IMP.2PL нести-IMP.2PL
 'Не несите!' [Ariste 1968: 84]

- (14) *el-kā pes-kā*
 NEG-IMP.2PL МЫТЬ-IMP.2PL
 'Не мойте!' [Ariste 1968: 96]

Нижнелужский водский:

- (15) *el-ka vē-ka*
 NEG-IMP.2PL нести-IMP.2PL
 'Не несите!'

- (16) *el-ka pes-ka*
 NEG-IMP.2PL МЫТЬ-IMP.2PL
 'Не мойте!'

В *нижнелужском ижорском* отрицательная форма императива 2 лица множественного числа тоже выражается сочетанием форм императива 2 лица множественного числа отрицательного и смыслового глаголов:

- (17) *el-kā vie-kā*
 NEG-IMP.2PL нести-IMP.2PL
 'Не несите!'

- (18) *el-kā pes-kā*
 NEG-IMP.2PL МЫТЬ-IMP.2PL
 'Не мойте!'

Аналогичная конструкция *сойкинского ижорского* (кроме систинских говоров) в роли коннегатива использует инфинитив смыслового глагола, что совсем не типично для прибалтийско-финских языков:

- (19) *el-kā vī-jā*
 NEG-IMP.2PL нести-INF
 'Не несите!'

- (20) *el-kā peš-šā*
 NEG-IMP.2PL МЫТЬ-INF
 'Не мойте!'

2.5. Показатели имперфекта

В водском языке имперфект маркируется показателями *-i* или *-zi* (о *центральноводских говорах* см. [Ariste 1968: 69–71]).

Нижнелужский водский:

kül-i-n 'слышать-IMPF-1SG', *hüppi-zi-n* 'прыгать-IMPF-1SG', *suva-zi-n* 'любить-IMPF-1SG'

Такие же два показателя имперфекта наблюдаются в *нижнелужском ижорском* (единственное отличие состоит в том, что во втором показателе начальный консонант глухой):

kül-i-n 'слышать-IMPF-1SG', *hüppi-si-n* 'прыгать-IMPF-1SG', *suva-si-n* 'любить-IMPF-1SG'

В *сойкинском ижорском* существует также вариант показателя имперфекта *-iši*:

kül-i-n 'слышать-IMPF-1SG', *hüppi-ši-n* 'прыгать-IMPF-1SG', *šuvva-iši-n* 'любить-IMPF-1SG'

Показать имперфекта *-isi* раньше использовался и в *нижнелужском ижорском*, однако позже он исчез в результате водского влияния [Лаанест 1966: 129]. В современном *нижнелужском ижорском*, как и в *нижнелужском водском*, *-isi* (*-izi*) используется только как показатель кондиционалиса, ср.:

Нижнелужский водский   *suva-izi-n* 'любить-COND-1SG'
 Нижнелужский ижорский   *suva-isi-n* 'любить-COND-1SG'
 Сойкинский ижорский   *šuva-jaiši-n* 'любить-COND-1SG'

2.6. Показатели активного причастия

В водском языке показателем активного причастия является *-npi(d)/-npi(d)* (о центральноводских говорах см. [Ariste 1968: 78]).

Нижнелужский водский:

(21) *miä kęnsait e-n vala-nnuid tätä pehko-a*
 1SG никогда NEG-1SG поливать-PRТАСТ ЭТОТ:PART КУСТ-PART
 'Я никогда не поливал этот куст'.

В нижнелужском ижорском этот показатель тоже, как правило, содержит гласный:

(22) *miä konsa e-n vala-nnut sitä pehko-a*
 1SG никогда NEG-1SG поливать-PRТАСТ ТОТ:PART КУСТ-PART
 'Я никогда не поливал этот куст'.

В сойкинском ижорском показатель активного причастия *-nt* не содержит гласного и начинается с одиночного согласного²¹:

(23) *miä konškā e-n vala-nt tätä pehko-a*
 1SG никогда NEG-1SG поливать-PRТАСТ ЭТОТ:PART КУСТ-PART
 'Я никогда не поливал этот куст'.

Показатель *-nt* также отмечался в вымерших ижорских диалектах: хэваском и ореджском. Фонологически немотивированная геминация и сохранение гласного в нижнелужском варианте показателя *-nnut/-npiit* считается результатом водского влияния [Лаанест 1966: 132–133].

2.7. Показатель генитива

Одной из очевидных черт, различающих водский и ижорский языки, является показатель генитива (*-n* в ижорском и нулевой показатель в водском). Хотя в целом это противопоставление сохраняется, в наших полевых материалах по нижнелужскому ижорскому встречается довольно много случаев отсутствия показателя *-n* в комитативных конструкциях:

Нижнелужский водский:

(24) *tšene-ka tätä silä tul-i*
 КТО:GEN-COM 3SG 2SG:ALL приходить-IMPF:3SG
 'С кем он к тебе приходил?'

²¹ В южных говорах, граничащих с нижнелужским ареалом, также встречается и показатель *-npi(t)/-npi(t)*.

Нижнелужский ижорский:

(25) *kene-kä ~ kenen-kä hän siul tul-i*
 КТО:GEN-COM 3SG 2SG:ALL приходить-IMPF:3SG
 'С кем он к тебе приходил?'

2.8. Вторичные геминаты

Единственной систематической чертой, заимствованной нижнелужским водским из ижорского языка, является геминация исходно одиночных консонантов после ударного слога. Вторичные геминаты отсутствовали в центральноводских говорах, которые не имели таких интенсивных контактов с ижорским:

Центральноводские говоры [Ariste 1968: 21, 76]:

lihā 'мясо:PART', *kalā* 'рыба:PART', *tšülā* 'деревня:PART', *repiä* 'рвать:INF', *tšüssüä* 'спрашивать:INF'

Нижнелужский водский (песоцко-лужицкий говор):

lihha 'мясо:PART', *kalla* 'рыба:PART', *tšüllä* 'деревня:PART', *reppiä* 'рвать:INF', *tšüssüä* 'спрашивать:INF'

Нижнелужский ижорский:

lihha 'мясо:PART', *kalla* 'рыба:PART', *küllä* 'деревня:PART', *reppiä* 'рвать:INF', *küssüä* 'спрашивать:INF'

Сойкинский ижорский:

lihhä 'мясо:PART', *kalä* 'рыба:PART', *küllä* 'деревня:PART', *reppiä* 'рвать:INF', *küssüä* 'спрашивать:INF'

Все рассмотренные языковые изменения, вызванные водско-ижорскими контактами в нижнелужском ареале, представлены в Таблице 2.

Таблица 2. Заимствование языковых черт ижорским и водским языками в нижнелужском ареале.

Языковая черта	Направление заимствования
Система оппозиций консонантов	водский → ижорский
Комитатив	водский → ижорский
Вытеснение форм 3 лица множественного числа имперсональными формами	водский → ижорский
Образование отрицательного императива	водский → ижорский
Показатели имперфекта	водский → ижорский
Показатели активного причастия	водский → ижорский
Показатель генитива в комитативных конструкциях	водский → ижорский
Вторичные геминаты	ижорский → водский

Очевидно, что на лингвистическом уровне водский и ижорский языки оказали влияние друг на друга в неравной степени. Ижорский

язык заимствовал много черт из водского языка, в то время как последний оказался очень консервативным и неохотно принимал инновации.

3. Что же собой представляет нижнелужский ижорский?

Проведенный анализ социолингвистических и лингвистических черт показывает, что мы имеем дело не с простой ситуацией вытеснения одного языка (водского) другим (ижорским), а с довольно нетривиальным взаимодействием двух языков. Внести ясность в сложившуюся картину помогают следующие два факта.

1. Известно, что водские мужчины (по крайней мере, в деревнях Пески, Лужицы и Верхние Лужицы, см. [Муслимов 2005]) часто брали в жены ижорских женщин с сойкинского полуострова, которые соответственно являлись носителями сойкинского диалекта ижорского (напомним, что этот диалект заметно отличается от нижнелужского ижорского).

2. В процессе работы с носителями ижорского языка в нижнелужских деревнях нам не удалось встретить ни одного человека, язык которого был бы ближе к сойкинскому, чем к нижнелужскому диалекту ижорского.

Противоречие этих двух фактов может быть объяснено следующим образом. Ижора, вступающая в контакт с водью, не сохраняла свой язык в полной мере, а переходила на язык межэтнической коммуникации, каковым являлся именно тот идиом, который называется нижнелужским ижорским. Таким образом, нижнелужский ижорский оказывается не одним из равноценных диалектов ижорского языка, а специфическим конвергентным языком, использовавшимся для межэтнического общения. В процессе взаимодействия двух рассматриваемых народов этот язык становился родным как для ижоры, попавшей в нижнелужский ареал, так и для этнической воды нижнелужского ареала, теряющей свою исходную водскую идентичность.

Такая квалификация нижнелужского ижорского позволяет объяснить высокую степень его вариативности (значительно более высокую, чем, например, в сойкинском ижорском). В зависимости от этнического состава жителей каждой деревни (в число которых могли входить не только водь и ижора, но также ингерманландские финны и эстонцы) формировался вариант языка наиболее удобный для коммуникации. В результате появлялись разнообразные изоглоссы, каждая из которых охватывала свой набор говоров.

Список сокращений

ALL – аллатив
COM – комитатив

COND – кондионалис
ELAT – элатив
GEN – генитив
IMP – императив
IMPERS – имперсонал
IMPF – имперфект
INF – инфинитив
NEG – отрицательный глагол
NOM – номинатив
PART – партитив
PL – множественное число
PRS – презенс
PRTPACT – активное причастие прошедшего времени
SG – единственное число
1, 2, 3 – местоимение соответствующего лица, либо лицо глагольной словоформы

Литература

- Адлер Э. 1966. Водский язык // В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская (ред.). Языки народов СССР. Том III. Финно-угорские и самодийские языки, М. С. 118–137.
- Золотарев Д. А. 1927. У ижор // Труды ленинградского общества изучения местного края 1. Л. С. 139–148.
- Итоги 2007. Итоги всероссийской переписи населения 2002 года. Выпуск 7. Национальный состав и владение языками населения ленинградской области. Статистический сборник. СПб.
- Лаанест А. 1966. Ижорские диалекты. Лингвогеографическое исследование. Таллинн.
- Лаанест А. 1977. Контакты ижорского языка с соседними близкородственными языками // Советское финно-угроведение 13 (4). С. 253–260.
- Лаанест А. 1993. Ижорский язык // Языки мира. Уральские языки. М. С. 55–63.
- Лаанест А. 1994. Об этногенезе ижорского народа по данным лингвистической географии // Проблемы этнической истории и межэтнических контактов прибалтийско-финских народов. Памяти Д. В. Бубриха. Сборник научных трудов. СПб. С. 29–32.
- Маркус Е. Б., Рожанский Ф. И. 2007. Феномен куровицкого идиома // Материалы XXXVI международной филологической конференции. 12–17 марта 2007 г. Выпуск 9. Уралистика. СПб. С. 61–75.
- Мусаев В. И. 2004. Политическая история Ингерманландии в конце XIX–XX века. СПб.
- Муслимов М. З. 2005. Языковые контакты в Западной Ингерманландии (нижнее течение реки Луги). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. СПб.
- Рожанский Ф. И. 2010. Ижорский язык: проблема определения границ в условиях языкового континуума // Вопросы языкознания 1. С. 74–93.
- Хейнсоо Х. 1995. Водь и ее этнокультурное состояние // М. Jokipii (ред.). Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Jyväskylä. С. 168–182.
- Адлер Е., Леппик М., Грюнберг С. (ред.). 1990–2011. Vadja keele sõnaraamat I–VII. Tallinn.
- Ariste P. 1957. Vätjalaisten nykyisyydestä // Virittäjä 61 (1). S. 119–124.
- Ariste P. 1962. Vadja muinasjutte. Tallinn.
- Ariste P. 1968. A grammar of the Votic language. Bloomington; the Hague: Indiana University.

- Ariste P. 1970. Vadja rahvaluule võlus // A. Valmet, P. Palmeos, J. Peegel (ред.). Saaremaast Sajaanideni ja kaugemalegi. Tallinn. Lk. 89–99.
- Ariste P. 1977. Estonian and Karelian (Izhorian) language contacts // Советское финно-угроведение 13 (1). P. 7–11.
- Ariste P. 1978. Oudekki Figurova // Keel ja Kirjandus 21 (6). Lk. 348–350.
- Ariste P. 1981. Keelekontaktid: eesti keele kontakte teiste keeltega. Tallinn.
- Ariste P. 1982. Vadja rajatusi. Tallinn.
- Ariste P. 1986. Vadja rahvalaulud ja nende keel. Tallinn.
- Castelló X., Toivonen R., Eguiluz V. M., Loureiro-Porto L., Saramäki J., Kaski K., San Miguel M. 2008. Modelling language competition: bilingualism and complex social networks // A. D. M. Smith, K. Smith, and R. Ferrer-Cancho (ред.). The evolution of language. Proceedings of the 7th International Conference (EVOLANG7). Singapore. P. 59–66.
- Ernits E. 2007. Isurite asaladest ja algkodust // H. Koks, J. Rahman (ред.). Ödagumeressoomõ kodo. Läänmeresooome kodo. Konvõrents Võrul, 19–21. re-hekuul 2006. Võro. Lk. 13–32.
- Haarmann H. 1984. Elemente einer Soziologie der kleinen Sprachen Europas. Band 3: Aspekte der ingrisch-russischen Sprachkontakten. Hamburg.
- Heinsoo H. 1991. Vatjan kielten tutkimisesta ja nykytilanteesta // Viritäjä 95. Lk. 448–453.
- Kettunen L. 1915. Vatjan kielen äännehistoria. Helsinki.
- Kettunen L., Posti L. 1932. Näytteitä vatjan kielestä. Helsinki.
- Köppen P. 1867. Erklärender Text zu der ethnographischen Karte des St. Petersburger Gouvernements. St. Petersburg.
- Kurs O. 1990. Ingeri põliselanike saatus // Akadeemia 7. Lk. 1484–1499.
- Markus E. 2010. Primary and secondary geminates in Ingrian // Linguistica Uralica XLVI (1). P. 38–52.
- Mägiste J. 1931. Kukkosi vadja mõistatusi // Eesti Keel 10 (3–4). Lk. 110.
- Mägiste J. 1959. Woten erzählen. Wotische Sprachproben. Helsinki.
- Mustonen J. (ред.) 1933. Inkerin suomalaiset (topografinen kartta 1:300000). Helsinki.
- Nevalainen P., Hannes S. (ред.). 1991. Inkeri. Historia, kansa, kulttuuri. Helsinki.
- Ränk G. 1960. Vatjalaiset. Helsinki.
- Suhonen S. 1985. Wotisch oder Ingerisch? // W. Veenker (ред.). Dialectologia Uralica. Materialien des ersten Internationalen Symposions zur Dialektologie der uralischen Sprachen 4–7. September 1984 in Hamburg. Wiesbaden. S. 139–148.
- Trefurt F. L. 1783. Von den Tschuden // Fr. K. Gadebusch (ред.). Versuche in der livländischen Geschichtskunde und Rechtsgelehrsamkeit. I Band, 5. Stück. Riga. S. 1–28.
- Trefurt F. L. 1785. Fortgesetzte Nachricht von den Tschuden // Fr. K. Gadebusch (ред.). Versuche in der livländischen Geschichtskunde und Rechtsgelehrsamkeit. II Band, 2. Stück. Riga. S. 89–122.
- Tsvetkov D. 1925. Vadjalased // Eesti Keel 4 (1–2). Lk. 39–44.
- Vazquez F., Castelló X., San Miguel M. 2010. Agent based models of language competition: macroscopic descriptions and order-disorder transitions // Journal of Statistical Mechanics: Theory and Experiment, P04007.

Актуальные вопросы русско-финских языковых контактов

Исследование живых процессов в языке связано с различными социолингвистическими методами сбора данных: это и интервью, и полевые записи, и анкетирование, и контрастивный анализ, и т. п. В настоящей статье мы хотим продемонстрировать, какие формы принимает русский язык у людей, живущих в Финляндии, как сталкиваются или взаимно обогащают друг друга финский и русский языки на синхронном срезе языкового контакта. Мы продемонстрируем наши подходы, результаты и выводы по четырем разным направлениям: интервью с представительницей «старых русских»; фрагмент группового интервью по поводу жизни русскоязычных иммигрантов в Хельсинки; языковые вкрапления из русского в финскую речь; общение в двуязычной среде образовательного учреждения.

Историческим фоном для языковых контактов служили следующие документированные события. Русские крестьянские поселения на Карельском перешейке появились в XVIII в., православные священнослужители, русскоязычные торговцы и военные оказались в Финляндии еще раньше. Пограничное положение стимулировало экономические отношения, но территория северного соседа оказывалась объектом интересов как Швеции, так и России, из-за чего велись многочисленные войны. Русские были врагами, от них исходила угроза. В период автономии, когда Великое Княжество входило в состав России, интеллигенты обеих стран активно взаимодействовали и учились друг у друга. В наследство от царского времени осталось небольшое русскоязычное население, эмигранты и русские школы, контингент которых на протяжении первой половины XX века уменьшался. После Второй мировой войны отношения с Советским Союзом были двойственными: с одной стороны, потери людей и территорий в войне, необходимость выплаты репараций, с другой стороны, начавшееся взаимовыгодное сотрудничество в хозяйственной деятельности. В 1955 г. начала работать новая Финско-русская школа, предназначенная для обучения русскому языку финнов и поддержки русского как наследственного языка у потомков людей, родившихся в русскоязычных семьях на территории Финляндии. В школе становилось постепенно все больше детей из двуязычных семей, а затем и учащихся с русским родным языком, чьи родители стали эмигрантами четвертой волны. Менялись методы и формы преподавания языка, появлялись русскоязычные дошкольные учреждения с разными вариантами соотношения русского и финского языков, была открыта Финско-русская школа в Восточной Финляндии (в трех городах – Лаппеенранте, Имаотре, Йознсуу). Кроме того, рас-

материалы и исследования. Сборник трудов кафедры археологии и этимологии. Вып. 2. К 70-летию Н. В. Лукиной. Томск, 2008.

Синкретизм частей речи в русском и уральских языках (к вопросу о специфике составления двуязычных словарей разных типов) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 7 (14). По материалам международной конференции «Диалог-2008». М., 2008. С. 292–296.

Два аспекта рассмотрения предикатно-аргументных структур в селькупском языке: семантические особенности глагола и специфика модели глагольного управления в двупредикатных конструкциях // LENCА-2. Типология аргументной структуры и синтаксических отношений. Казань, 2008.

Аспектуальная деривация в селькупском языке: семантическая модификация глагола и способы ее выражения // В. А. Плунгян, С. Г. Татевосов (ред.). Исследования по глагольной деривации. Сборник статей. М., 2008. С. 103–113.

Прямая и косвенная речь в селькупском языке // Материалы 2-ой международной конференции по самодистике. Сб. к 100-летию Н. М. Терещенко. СПб, 2008. С. 143–152.

2009

С чего начинается полевая работа и какова ее роль в лингвистических исследованиях (на примере коми языка) // III Международная конференция по полевой лингвистике: тезисы и материалы. М., 2009. С. 104–107.

Изменение границ этноязыковых процессов у уральских народов за последние полтора века от Лапландии до Западной Сибири // VIII Конгресс Этнографов и антропологов России, Оренбург, 2009 (совместно с Т. Б. Агранат).

2010

Динамика русских глаголов движения с XI по XX в. Воронеж, 2010.

Словарь мужского говора ижемского диалекта коми-зырянского языка. Под общей редакцией А. И. Кузнецовой. Екатеринбург, 2010 (совместно с О. Л. Бирюк, Е. В. Кашкиным, М. Н. Усачёвой).

Слово о В. А. Звегинцеве // Теоретическая и прикладная лингвистика: пути развития. М., 2010. С. 3–4.

«Карнавал животных» и проблемы ретрогностики (на материале уральских языков) // Проблемы компьютерной лингвистики. Вып. 4. Воронеж, 2010. С. 126–133.

О чем могут рассказать маргиналии в полевых тетрадях Л. А. Варковицкой // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. Bd 32/33 – Hamburg. S. 362–373.

Явления энантиосемии в уральских языках (на примере коми, ненецкого, селькупского языков) // Материалы 3-й Международной научной конференции по самодистике. Посвящается 100-летию Г. Д. Вербова и 75-летию Я. Н. Поповой. Новосибирск, 2010. С. 135–143.

Оглавление

От авторов и составителей	5
Раздел 1. Уралистика: Самодология	6
<i>А. В. Дыбо (Москва)</i> . Пратюркский и прасамодийский – контактная лексика.....	6
<i>И. П. Сорокина (С-Петербург)</i> . Сложные лексические единицы в самодийских языках.....	27
<i>Л. А. Ильина (Новосибирск)</i> . Идентичность генетической структуры глагольной категории засвидетельствованности в самодийских и юкагирских языках.....	32
<i>С. И. Буркова (Новосибирск)</i> . К вопросу о «вопросительной» форме <i>-sǎ</i> в ненецком языке.....	48
<i>В. Ю. Гусев (Москва)</i> . Селькупско-нганасанские параллели в области глагольной морфологии.....	69
<i>О. В. Ханина (Лейпциг), А. Б. Шлуинский (Москва)</i> . Ядерные падежи существительных в энецком языке: в поисках адекватного описания.....	76
<i>В. Wagner-Nagy (Hamburg)</i> . Possessive Constructions in Nganasan.....	95
<i>А. Ю. Урманчиева (Москва)</i> . Следы говорки на Таймыре: образец фольклорного текста.....	103
<i>О. А. Казакевич (Москва)</i> . Селькупский богатырский эпос: современная запись.....	116
<i>М. Д. Люблинская (С-Петербург)</i> . Параллели «сельских поэм» Вергилия в ненецкой литературе.....	121
<i>А. А. Кретов (Воронеж)</i> . Параметрические особенности ненецкого словаря.....	131
<i>Г. А. Аксянова (Москва)</i> . Угорские и самодийские народы: сравнительная антропологическая характеристика.....	149
Раздел 2. Уралистика: Финно-угристика	166
<i>С. Ю. Толдова (Москва), Н. В. Сердобольская (Москва)</i> . Лексические свойства глагола и оформление прямого дополнения в коми-зырянском языке (печорский диалект).....	166
<i>Е. А. Цыпанов (Сыктывкар)</i> . О малоизвестных деепричастиях в коми диалектах.....	178
<i>Е. В. Кашкин (Москва)</i> . О роли целостного рассмотрения языковой системы в лексической типологии (опыт исследования коми-зырянских и хантыйских глаголов со значением 'ломать').....	184
<i>Н. Л. Шибасова (Москва)</i> . Цельно- и раздельнооформленные парные прилагательные обладания объектом vs отсутствия объекта в волжских и пермских языках.....	201
<i>Т. Б. Агранат (Москва)</i> . Сохранность полипредикативного синтаксиса и социолингвистический статус прибалтийско-финских языков.....	212

Ф. И. Рожанский (Москва, Тарту), Е. Б. Маркус (Москва, Тарту). О статусе нижнелужского диалекта ижорского языка среди родственных идиомов	219
М. Пиккарайнен, Е. Протасова, А. Репонен, И. Саммалкорпи (Хельсинки). Актуальные вопросы русско-финских языковых контактов.....	233
Ахти Никунласси (Хельсинки). Болевые предикаты в финском языке	255
Н. Н. Колпакова (Санкт-Петербург). Паронимы и паронимия (на материале венгерского языка).....	274
Раздел 3. Miscellanea	282
Ж. Ж. Варбот (Москва). О двух потенциальных полонизмах в русском языке.....	282
С. П. Виноградова (Москва). Что «читал» Заратустра?	286
А. Е. Аникин (Новосибирск). Образы деторождения и детства в языке и фольклоре народов Сибири: несколько наблюдений.....	289
О. В. Федорова, Е. А. Деликишкина (Москва). Игнат и его друзья: десять лет спустя (экспериментальный анализ детского дискурса).....	300
Л. Л. Федорова (Москва). Гуси-лебеди, сороки-вороны, цветы и птицы: заметки о парных словах	318
Т. Ю. Кобзарева (Москва). Свойства рекурсивности и синтаксической суверенности (фрагмент грамматики поверхностно- синтаксического анализа русского предложения).....	334
В. А. Плунгян (Москва). «Нарративный инфинитив» в русском языке: к классификации контекстов	352
В. И. Беликов (Москва). Юбилей в словарях и в узусе: социолингвистический урок	361
Раздел 4. «Площадка молодняка»	376
Н. А. Муравьев (Москва). О семантической мотивированности противопоставления «временной контекст – сопровождающее обстоятельство» в дееспричастиях финно-пермских языков	376
А. А. Ладыгина (Москва). Дзирыг, teleg или х? Системы температурных прилагательных в венгерском, коми-пермяцком и хантыйском языках.....	386
М. М. Шапиро (Москва). Семантика глаголов колебательного движения в финском языке.....	401
Раздел 4. Воспоминания.....	415
Р. И. Канюкова (Нарьян-мар). Искренне предана своему делу.....	415
Документальные материалы.....	417
Сurriculum vitae (из архивов).....	417
Список опубликованных работ А. И. Кузнецовой	419

Научное издание

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ БЕСПРЕДЕЛ – 2

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ К ЮБИЛЕЮ

А. И. КУЗНЕЦОВОЙ

Под общей редакцией

чл.-корр. РАН, проф. А. Е. Кибрика

Оригинал-макет книги

подготовлен в Редакционно-издательском отделе
филологического факультета МГУ

Зав. редакционно-издательским отделом
филологического факультета Е. Г. Домогацкая
edit@philol.msu.ru

Подписано в печать 20.11.2013.

Формат 60×90/16. Бумага офсетная № 1.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 27,5.

Тираж 200 экз. Изд. № 10271

Заказ № 0551.

Издательство Московского университета.
125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5.

Тел.: (495) 629-50-91. Факс: (495) 697-66-71

(495) 939-34-93 (отдел реализации)

E-mail: secretary-msu-press@yandex.ru

Сайт Издательства МГУ:

www.msu.ru/depts/MSUPubl2005

Интернет-магазин: http://msupublishing.ru

Адрес отдела реализации:

Москва, ул. Хохлова, 11 (Воробьевы горы, МГУ).

E-mail: izd-mgu@yandex.ru Тел.: (495) 939-34-93

Отпечатано в типографии МГУ.

19991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы,

д. 1, стр. 15